

КОНФОРМИЗМ И КОММУНИЗМ**О. Л. Лейбович, А. В. Королькова****«ФРАЗИСТЫ, ПУСТОСЛОВЫ, ЛАКИРОВЩИКИ...»:
КРИТИКА КОНФОРМИЗМА СОВЕТСКИХ ЛИТЕРАТОРОВ
В ЧАСТНОЙ ПЕРЕПИСКЕ 1954-1957 ГГ.**

Тема конформизма в культуре советского образованного класса (интеллигенции) развертывается в 50 – 80-х годов XX века как нарратив «оттепельный», литературный, критический, что принципиально отличает ее от темы «приспособленчества», постоянно артикулируемой в советской печати 1920-х – 30-х годов. В обыденной же речи два этих слова долгое время оставались синонимами [5, с. 83].

Приспособленчество с самого начала принадлежало языку новой власти; этим словом клеймили позицию ненадежных и лукавых попутчиков из буржуазной интеллигенции. «Мы отлично знаем и прямо говорим, что в первое время Октябрьской революции к нам пошла худшая часть интеллигенции, — утверждал Н. И. Бухарин. — Большинство честной интеллигенции было против нас» [11, с. 35]. Спустя годы И. В. Сталин скажет Л. Фейхтвангеру, что культивирование самых нелепых форм обожествления вождя — дело рук приспособленцев: «...это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием» [12, с. 65].

В свою очередь, слово «конформизм» представляло собой языковую форму интеллигентской рефлексии по поводу своего положения в советском обществе. Само слово было заимствованно из американской психологической литературы, из описания опытов С. Аша, детально и внятно представленных в книге И. С. Кона, изданной в 1967 году [5, с. 85 – 93].

Для того, чтобы такая рефлексия стала возможной, были необходимы некоторые условия, появившиеся в эпоху оттепели. Мы имеем в виду, прежде всего, прекращение террористических властных практик. Ослабление системы государственного принуждения сделало возможным процесс эмансипации советской интеллигенции, ее постепенного превращения в «класс для себя» (К. Маркс) с правом на собственный язык, с набором особых ценностных ориентаций и этикетных форм поведения.

Этот процесс, до конца не заверченный в советскую эпоху, порождал в кругах интеллигенции интенсивную рефлексиию на тему собственной социальной идентичности, от-

вета на вопрос: Кто мы? Образованная прослойка между рабочими и колхозниками? «Обслуживающий элемент», по выражению Сталина [4, с. 445]? Особая корпорация со своим нравственным кодексом, великой исторической миссией? Просто образованная часть советской бюрократии? В этих дискуссиях о месте интеллигенции в советском обществе постоянно вставал вопрос о возможностях и способах сотрудничества власти и интеллигенции. Какие компромиссы нравственно допустимы? Где начинается падение интеллигента? «Гибель и сдача советского интеллигента. Ю. Олеша», — так назвал свою книгу Аркадий Белинков. Словом «конформист» обозначали человека, из страха, ради денег, из безотчетного желания быть с большинством, согласившегося сотрудничать с преступным режимом, вернее, соучаствовать в его преступлениях.

И само слово, и смысл, в нем заключенный, были, скорее всего, позаимствованы из фильма Бернардо Бертолуччи, появившегося в советском прокате в начале семидесятых годов¹. Главный герой фильма — итальянский интелlectual, добивающийся места в фашистской администрации (то ли в тайной полиции, то ли в иных структурах). Им движет желание «быть как все», изжить свое отягощенное насилием прошлое, слиться с массой. Бертолуччи использует несложную метафору синхронизированного механистичного танца, отсылающую зрителей к образу сплоченных шеренг, шагающих в ногу под простенький ритм. Приходят на память слова: «плясать под одну дудку». У героя не получается. Будучи зажатым в толпе, он вынужден подчиняться ее движениям, но все равно не в такт.

И чтобы все-таки быть в ногу со временем, он женится на девушке, у которой на уме «только кухня и постель». На ее счет у героя нет иллюзий: «Глупая мещанка. Жалкие мыслишки. Куча примитивных амбиций» [6]. Тщетно пытаюсь изменить свой образ, добиться «стабильности и безопасности», хотя в своем внутреннем мире, он на самом деле пытается избавиться от своей латентной гомосексуальной ориентации.

За первым шагом следует второй: чтобы быть нормальным по-фашистски, нужно убивать. «Кровь смывают кровью. Такой цены требует общество» — говорит он священнику на исповеди. На самом деле, не общество, а государство. Да и герой — не убийца, а лишь соучастник, убийство совершается другими. Он исполняет лишь гнусную роль наводчика, осведомителя. Попытка перерождения не удалась. Герой не в состоянии ни убить, ни пожертвовать собой. Он в состоянии только предавать: профессора, его жену, своего напарника, друга, — предавать, повинуюсь какой-то безотчетной тяге к уничтожению символов своего прошлого. Сделка не состоялась: активность по чужой указке только укрепляет пассивность. За весь фильм герой не принимает ни одного самостоятельного решения.

¹ Фильм «Конформист»; «Il Conformista». Режиссер: Б. Бертолуччи, 1970.

Для автора, как и для зрителей, становится очевидным и тщетность, и нищета конформизма.

Проблема была поставлена раньше — в ходе публичных и частных дебатов, инициированных XX съездом. Как могло случиться, что мастера культуры, инженеры человеческих душ, признанные ученые, великие гуманисты участвовали в истребительных кампаниях сталинской эпохи, усиливали атмосферу ненависти и нетерпимости, отрекались от учителей, отказывались от идеалов ушедшей эпохи, от раз и навсегда затверженных норм корпоративной морали? Кто, в конечном счете, виноват? Власть с ее угрозами и соблазнами, или интеллигент, оказавшийся слабым и безыдейным карьеристом? Для характеристики последнего в обиходе были обозначения, как правило, заимствованные из официального советского языка: аллилуйщики, лакировщики, изредка те же приспособленцы.

В центре дискуссии мы не случайно обнаруживаем фигуру литератора. В советской мифологической картине мира господствует записанное и опубликованное слово. Главным действующим лицом в сталинском кинематографе является сценарист, а не режиссер. Музыкальные произведения именуются поэмами и ораториями.

Задача советского писателя — не искать истину, но пропагандировать ее в соответствии с партийными заданиями. В этом смысле весьма примечательна переписка А. Фадеева и А. Твардовского, датированная январем 1953 года. Литературный начальник упрекает поэта за строфы, в которых *враг* может обнаружить некоторую двусмысленность: «Твой удар будет верен, если ты в своем сознании будешь помнить и об этих врагах нашего народа и нашего писателя и не позволишь (даже единой запятой своей) примазаться этим сволочам к твоей справедливой критике».

Поэт соглашается: «... Мне вовсе не жалко тех строк, на которые ты указал, они, между прочим, не так и хороши, — я их просто опускаю. Это те излишества свободного разговора, которые в строго обдуманной речи уже недопустимы, нежелательны. Они роняют достоинства поэтической речи, как бы она ни не была по виду «свободна» и «озорна» [3, с. 197 – 198].

В пределах новой мифологической культуры литераторы занимают почетную социальную позицию. Они создают слова-образы, внося порядок в мироустройство. Советский писатель — фигура сакральная. Он подобен жрецу в первобытном племени. Так к нему относятся и публика, и власти. К нему обращаются за помощью и советом.

Даже критически настроенные интеллектуалы не могут выйти из этого магического круга. И для них писатель — учитель жизни, воплощающий в себе в законченном виде типичные черты русского интеллигента. Ему непростительны человеческие слабости: ни

склонность к компромиссам, ни лукавство, ни трусость. Писатели сталинской эпохи представляли собой удобную мишень в интеллигентских играх с советской действительностью.

Для представления о том, как складывался образы конформизма и конформистов в культуре поздней советской интеллигенции, обратимся к эпистолярному наследию университетского преподавателя, геолога по профессии И. П. Шарапова, в 1953 – 1957 гг. ведущего обширную переписку с писателями и литературными журналами¹.

Для участников переписки литература существует в режиме здесь и сейчас. Обсуждаются только литературные новинки. Когда-то Саша Черный называл их «газетно-журнальным песком» [10, с. 87]. Песок должен быть тяжеловесным. Рассказы в расчет не принимаются вовсе. Литература – это эпопеи, романы, в худшем случае повести и, конечно же, очерки. Из литературы тридцатых годов — одна – две ссылки на Ильфа и Петрова с неременной добавкой: это было давно: «Еще Ильф и Петров писали...» Пропущена литература о войне. Нет ни Гроссмана, ни Некрасова, ни Казакевича. Писатели советского прошлого как будто бы не существовали вовсе, а те, о ком почему-то вспомнили, так только для того, чтобы сообщить, что они давно забыты. Великие имена XIX века взяты из школьных учебников: Гоголь, Тургенев, Толстой. В общем, книга — эта какая-то особая газета, по-другому переплетенная и многостраничная. И жить ей положено столько же.

Ценность книги определяется социальным звучанием. «Литература меня интересует, гл<авным> обр<азом>, со стороны общественной», — пишет И. П. Шарапов своему коллеге — геологу [13, л. 83]. С ним согласен и Михаил Лифшиц: «Я обращаюсь к литературе только в тех случаях, когда есть возможность на этом основании затронуть какие-нибудь общественные вопросы...» [7, с. 58].

Грань между социальной действительностью и литературой при таком подходе утончается до крайности. Сама же литература замещает запретную социологию. Литературные персонажи приобретают свойства социальных типов. Писатель, по мнению Шарапова, обязан дать им однозначную оценку в соответствии с той ролью — полезной, или вредной, которые они исполняют в современной жизни. Если за героем романа угадывается прототип, то и отношение к нему должно быть таким же, как к этому конкретному лицу. Появляется в романе «Зеленая книга» положительный герой академик Денисов, И. П. Шарапов сразу же узнает в нем Лысенко и устраивает выволочку автору: Трофим Денисович не так уж хорош. Писатель с ним соглашается: в новом издании обязательно внесу поправки. И геолог, и его корреспонденты разделяют общее мнение: миссия честного литератора –

¹ Письма Шарапова и ответы его корреспондентов опубликованы в сборнике «Без черновиков» [7.]; его биографию можно найти в книге «В городе М» [8. С. 378 – 438].

срывать все и всяческие маски, разоблачать дурных людей, мешающих строительству социализма.

Все участники переписки были горячими приверженцами реалистического искусства. Реалистическое произведение — это отражение жизни во всех ее сложностях, противоречиях, во всем ее богатстве. Если литератор не в состоянии выразить это богатство жизни, если он сглаживает острые углы, если он скользит по поверхности, или, не дай бог, что-нибудь придумывает, он дурной писатель, не выполняющий своей общественной долга. «Я считал и считаю, что литература должна правдиво изображать жизнь», — высказывал свое *credo* на допросе в КГБ И. П. Шарапов [9, л. 78].

Язык, применяемый для обсуждения литературных проблем, заимствован из газет, это калька с языка власти. Писатели делятся на «лакировщиков» (они же халтурщики) и «передовых». На XX съезде КПСС А. Сурков ввел слово «лакировщики» в официальный обиход: «Недавно мы в литературе вели борьбу с лакировщиками, создававшими фальшивые, приспособленческие, сахарно-приторные произведения» [1, с. 396]. Для Шарапова социалистический реализм — это синоним лакированной литературы: «...соцреализм — это не то, что официально было провозглашено в <19>32 г. (“правдивое изображение жизни”), а то, что фактически было. А фактически было приукрашивание действительности. Теперь мы против лакировки, мы за правдивое изображение жизни, но надо ли для обозначения этого нашего стремления брать скомпрометировавший себя термин?» [7, с. 102]. С ним соглашается только хабаровский писатель Агишев: «Я рад появлению в “Новом мире” романа Дудинцева “Не хлебом единым”. Смело, интересно показывает нашу жизнь автор. Правдивый роман! Это настоящий реализм. Не соцреализм, существа которого не понимал даже сам его “зачинатель”, а реализм критический, каким и должен быть реализм. Именно критическим он должен быть потому, что не только в наше трудное время, но даже при социализме: которому мы, разумеется, придем, будет столько противоречий, столько уродливого и несовершенного, что литературе, если хочет быть искусством, придется показывать жизнь критически: с позиций чистого разума и великой правды бытия» [7, с. 88]. Остальные корреспонденты отмалчиваются.

Список претензий к писателям у И. П. Шарапова велик. Они не только оправдывают «пошлость, серость и посредственность» в советской литературе (И. Эренбург), но и сами ее разводят: «Дело не в эпохе, а в том, что халтура заедает, сорняки заглушают культурные растения! То раповцы, то неумные эпигоны действительно талантливого Владимира Владимировича, то лакировщики-бесконфликтщики, то прочие зажимайлы душили и душат нашу литературу» [7, с. 27].

Даже хорошие писатели не говорят всей правды: «... концы у них тупые, благополучные. Все зло жизни автоматически умирает, а ведь на самом деле зло очень цепкое, с ним трудно бороться!» Впрочем, если хороших писателей поправить и научить, то, в конце концов, «они похоронят пустословов». [7, с. 34].

Но для начала следует «...опозорить Суркова, этого двурушника, служителя культа, Симонова тоже, Эренбурга, Шагинян, Галина, Полевого — всех этих аллилуйщиков» [7, с. 109]. Не только за то, что все они «... скучные, сухие люди, они лишь регистрируют достижения, отмывая их от прилипшей грязи, недостатков», но, прежде всего, за то, что они проявляют «холуйство» по отношению к «номенклатурщикам» [7, с. 114, 135]. Слово «конформизм» не произнесено, но все его черты в переписке присутствуют. Для И. П. Шарапова «холуйство» писателей — это социальное зло, один из пороков социализма, порожденный культом личности — «сорная трава, очень живучая» [7, с. 154 – 155].

Было бы опрометчиво позицию рассерженного геолога отождествлять с нарождающимся общественным мнением новой советской интеллигенции, в ином виде пережившей духовный кризис десталинизации. Заметим только, что в письмах И. П. Шарапова мы находим то неприятие конформизма, которое в последующие годы станет нравственным упреком для людей брежневской эпохи, вынужденных вопреки собственным вкусам и убеждениям принимать — пусть в пустых, декоративных формах — социалистическую действительность. Наша жизнь не станет чище, — писал Аркадий Белинков, как будто вторя Ивану Шарапову — «...пока люди не поймут, что сначала нужно победить предателей, которых так много под схимой страдальцев и чистоплюев, тех, кто испугался борьбы, застенялся, струсил, перебежал и сдался» [2].

И если перед ними не вставала дилемма, столь зримо и выразительно представленная в фильме Б. Бертолуччи, сотрудничать с убийцами для карьеры, или отказаться от соблазна, то в повседневных практиках им часто приходилось делать выбор под давлением, выбирать из возможных альтернатив — отягощенную моральным запретом конформистскую альтернативу.

Список литературы и источников

1. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. Т.1. — М.: Госполитиздат, 1956.
2. Белинков А. Из архива. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2000/2/belink.html>.
3. «Будем говорить о литературе и жизни» Из переписки Александра Твардовского и Александра Фадеева // Дружба народов. 2000. № 5. — С. 197 – 198.
4. Запись беседы товарища Сталина с германским писателем Лионом Фейхтвангером. 8 января 1937 г. // Большая цензура. Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917-1956. — М.: МФД: Материк, 2005. — С. 444 – 460.
5. Кон И.С. Социология личности. — М.: Политиздат, 1967. — 383 с.
6. Конформист. Текст фильма. Режим доступа: <http://vvord.ru/Konformist-1.html>.
7. Лейбович О. Л. Без черновиков. Иван Прокофьевич Шарапов и его корреспонденты. 1932, 1953 – 1957 гг. — Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. — 167 с.
8. Лейбович О. В городе М. Очерки политической повседневности советской провинции в 40 – 50 –х гг. XX века. — Пермь: Июль – Медиа, 2009. — 438 с.
9. Протокол допроса Шарапова И.П. 11 марта 1958 г. // ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.16936. Т.1.
10. Саша Черный. Стихотворения / Сост. и вступ. ст. Ф. Кривина. — М.: Худ. лит-ра, 1991. — 414 с.
11. Судьбы русской интеллигенции. Материалы дискуссий. 1923 – 1925 гг. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. — 221 с.
12. Фейхтвангер Л. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. Перевод с немецкого М.: Худ. лит-ра, 1937. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/FEJHTWANGER/moscow1937.txt>.
13. Шарапов – Шехтеру. 9. 12. 1955 г. // ПермГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д.16936. Т. 2.